

И. Стрелкова

ВАЛИХАНОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

В конце ноября Чокан простился с друзьями. Достоевский отправился в Кузнецк, к Марии Дмитриевне Исасовой. В начале следующего года она наконец-то станет его женой. Семенов ехал в Барнаул по своим делам. Демчинский увязался с ними обоими за компанию.

5 декабря Чокан писал Достоевскому из Омска:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для [меня] ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

Письмо повез в Семипалатинск друг Чокана, Александр Николаевич Цуриков, назначенный на ту же должность, которую занимал Врангель. Чокан писал: «Рекомендую Вам, добрейший Федор Михайлович, этого доброго человека, Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более». Чокан хотел подчеркнуть надежность Цурикова. А о своей близости к декабристу Батенькову Цуриков расскажет Достоевскому сам. Дружба с декабристом, по сибирским понятиям, наилучшим образом рекомендовала человека.

Заканчивается письмо Чокана на весьма вольной ноте: «В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно».

Ответ Достоевского — продолжение семипалатинских бесед. Написан в доме Демчинского, за тем же столом, где велись беседы. Рядом сидит и тоже пишет Чокану Цуриков. И день не такой уж будничным — памятный для России день, 14 декабря. Он тоже освещает это письмо, как и счастье, наконец-то улыбнувшееся Достоевскому: он вернулся из Кузнецка с согласием Марии Дмитриевны на свадьбу.

«Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал та-

кого влечения как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательства верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг — ничего не напишешь: чувство и влечение — дело необъяснимое...»

Достоевский сообщает, что много рассказывал о Чокане: «...одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о вас так много, что она полюбила вас никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас самыми яркими красками». Это о Марии Дмитриевне. И дальше: «...теперь, когда я совершенно один, (а действовать надо) -- теперь я раскаиваюсь, что не открыл вам главнейших забот моих, и целей моих и всего, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти!... Я был бы счастлив!» Достоевский называет Чокана «Дорогой мой друг, милый Чекан-Чолканович» и напоминает ему о планах приехать весной в Семипалатинск. «...А уже в Апреле непременно. Не переменяйте своего намерения». В письме есть уточнение: «Съедетесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске». (Семипалатинск — так во всех письмах Достоевского. — И. С.). Вот оно что. Значит, при Достоевском Семенов и Валиханов строили планы совместного путешествия. Они ведь отлично дополняют друг друга: Петр Петрович с его знанием ботаники, географии, геологии и «Чекан-Чолканович» — востоковед, историк, этнограф, сын этой земли, этого народа, для кого Семиречье все равно что для Семенова Черноземье... Русский и киргиз едут вдвоем по степи, разговаривают с умудренными жизнью стариками, с женщинами, хлопочущими у очагов. Из этой нарисованной воображением картины и рождается в письме Достоевского страстная проповедь: «Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По моему вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните мы об этом говорили). Всего лучше, если вам удалось написать нечто вроде своих Записок о степном быте, о вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала-бы всех. Так было-бы ново, а вы, конечно, знали-бы что писать (н. прим. вроде Джона Тиннера в переводе Пушкина, если помните). На вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы-бы заинтересовали собою Географиче-